

с библиографическими ссылками, вспомогательные указатели, списки сокращений и т.п. Цель такого труда – получение и презентация нового научного знания [2, с. 530]».

Важно зафиксировать видовую природу историографического источника, в котором дано это определение, – учебное пособие, что предполагает выбор наиболее репрезентативного варианта определения. Мне представляется, что дефинирующий признак монографии – репрезентативность (в идеале, исчерпанность) источниковой базы исследования.

Конечно, монография как вид историографических источников, претерпев существенные модификации, существует и в современной исторической науке; ближе всего к ней по видовой принадлежности квалификационные работы и соответствующие им публикации результатов, предшествующие защите диссертации. Но в актуальной познавательной ситуации принципиально важно отличать монографии в строгом смысле от научных исследований, в которых автор формулирует некую новую идею и обосновывает, а иногда только иллюстрирует ее, что позволит избежать ситуации, описанной еще А. Тойнби, когда недооценивают работы, в которых предлагается новый взгляд на историю, критикуя их за «уход от фактологии» [5, с. 15–16].

1. ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды, термины и определения».
2. Источниковедение : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская ; отв. ред. М.Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3]
3. Коллингвуд, Р.Дж. Идеи истории. Автобиография / Р.Дж. Коллингвуд ; пер. и коммент. Ю.А. Асеева ; ст. М.А. Кисселя. – М. : Наука, 1980. – 488 с. – (Памятники исторической мысли).
4. Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аквилон, 2016. – 543 с.
5. Тойнби А.Дж. Постигание истории : сб. : пер. с англ. / А.Дж. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 731 с.
6. Шмидт, С.О. О некоторых общих проблемах истории исторической науки / С.О. Шмидт // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. – Калинин : Калининский гос. университет, 1980. – С. 109–117.

Алеврас Н.Н.

ДИССЕРТАЦИЯ ПО ИСТОРИИ КАК ИСТОЧНИК: ПРОЦЕСС ИДЕНТИФИКАЦИИ СТАТУСА ДИССЕРТАЦИИ КАК НАУЧНОГО СОЧИНЕНИЯ (XIX – начало XX в.)⁴

Опыт защит диссертаций по историческим наукам в российских университетах, получивший системное обеспечение в виде нормативно-законодательных установлений, начал складываться в процессе формирования университетов в первой половине XIX в. Создание и презентация диссертации с ее последующей публичной защитой и оппонированием являлись важными процедурами, преследующими цель карьерного роста – повышения служебного и научного статуса соискателя в виде получения ученых степеней и научных званий. Это немаловажное обстоятельство являлось существенным стимулом для развития диссертационной системы. В этом процессе были заинтересованы не только соискатели, но и руководящее ведомство – Министерство народного просвещения, поскольку длительное время российские университеты не могли обеспечить университетские кафедры кадрами высшей квалификации – профессурой. Эти моменты важны для понимания некоторых из побудительных мотивов и целеполагающих установок, которые исходили от соискателя при выборе решения создавать и защищать диссертацию, чтобы достичь той или иной ученой степени.

Опыт создания челябинскими историографами информационной базы данных о диссертациях, защищенных в российских университетах по основным тогдашним специальностям – русской истории и всеобщей истории, – позволяет говорить об их общей совокупности, составлявшей 282 диссертации (1813–1919 гг.) [см.: 1, с. 32–40]. Следует лишь оговорить, что база данных продолжает пополняться новыми сведениями о диссертациях, защищенных по темам, близким интересам исторической науки, но по иным гуманитарным специальностям. Поэтому предлагаемые в данной статье статистические расчеты, хотя и демонстрируют промежуточные итоги статистической разработки, но составляют ядро диссертационной продукции по основным историческим специальностям. Поэтому они вполне репрезентативны для понимания ситуации в деле формирования комплекса российских диссертаций по истории. Исходя из этого количества, будем оперировать некоторыми статистическими показателями для характеристики

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00264.

закономерностей, определявших развитие традиции создания диссертационного исследования как научного и культурного феномена.

Представляя на первых порах скромные по объему сочинения, в содержательном отношении напомиравшие реферативный труд или эссе, во второй половине XIX в. и особенно на рубеже столетий диссертации приобрели солидные внешние формы и, конечно, изменились содержательно. Процесс трансформации статуса диссертации как научного сочинения фиксируется уже в первой половине столетия. Если первоначально тексты диссертаций являлись заключительной частью письменного экзамена соискателя и представляли преимущественно рукописные версии, то уже к 30-40-м гг. XIX в. отношение к диссертации изменилось. Определенное число диссертаций создавалось сразу для публикации, а в Московском университете эта практика стала обязательной к 1840-м годам [3, с. 15–24]. Примером может служить труд А.З. Зиновьева «О начале, ходе и успехах критической российской истории», защищенный и опубликованный в качестве диссертации в 1827 г. в Московском университете. Первые авторы диссертаций ориентировались на тип сочинений, обозначаемых как «рассуждение». В частности, у А.З. Зиновьева обложку и титул книги сопровождал подзаголовок: «Рассуждение, сочиненное <...> для получения степени магистра». Текст издания размещался на 70 стр. Подобные подзаголовки использовались в докторской диссертации Н.Г. Устрялова (1836 г., Санкт-Петербургский университет), состоящей из 84 стр., магистерской диссертации А.Ф. Федотова (1839 г., Московский университет), объемом в 108 стр. Двое последних защищали историографические по сути работы по специальности «философия». В конце текста того и другого сочинений располагались так называемые «положения», позднее обозначаемые как «тезисы», в виде краткого изложения наблюдений и выводов. Некоторые из диссертаций уже в 1830-е гг. представляли объемные тексты. Примером является диссертация филолога С.П. Шевырёва, блестяще защищенная в 1837 г. в Московском университете, она насчитывала 382 стр. [4, с. 84]. Объем диссертации и успех защиты Шевырёва стали поводом для ее сравнения с диссертационной работой Устрялова не в пользу последнего.

Начиная с 1830–1840-х гг. существенно по-иному, чем в первые десятилетия XIX в., выглядела динамика защит диссертаций. Во второй половине века этот процесс приобрел более интенсивный характер. Если в первой половине XIX в. было защищено 64 диссертации (22,6%), то во второй его половине – 132 (46,8%). На первые два десятилетия XX в. пришлось 86 защит (30,4%).

Таблица 1

Динамика защит диссертационных исследований по истории в российских университетах в 1813–1919 гг. (по десятилетиям)

Десятилетие	1810-е	1820-е	1830-е	1840-е	1850-е	1860-е	1870-е	1880-е	1890-е	1900-е	1910-е	всего
Количество диссертаций	2	4	14	25	19	34	31	37	30	42	44	282

Представленный ряд статистических данных демонстрирует процесс постепенного внедрения в историческую науку диссертаций – нового вида научного сочинения, редко практикуемого в русской научной культуре предшествующего столетия. Середина и вторая половина XIX в. явились временем укоренения этого опыта. Формирование института «профессорских стипендиатов» в виде новой категории университетариев – магистрантов как будущих создателей диссертаций, а в перспективе приват-доцентов и профессоров, становится нормой и традицией каждого факультета.

Диссертационное исследование предстает одной из разновидностей научных трудов ученых-историков. От других жанров/разновидностей научной продукции сообщества историков рассматриваемого времени ее отличают несколько специфических черт и признаков. Прежде всего замечу, что создание диссертационного исследования должно было следовать нормативным правилам, зафиксированным либо в специальных «Положениях» (1819, 1835, 1844, 1864) и некоторых университетских уставах (например, 1884), либо в нормативных документах МНП. Диссертация являлась объектом, как университетской цензуры, так и оказывалась в поле зрения

общих цензурных ведомств [3, с. 15–17]. Однако требования, предъявляемые к магистерским и докторским диссертациям в Положениях и Уставах, имели самый общий рекомендательный характер, они преследовали цель определить уровни научной состоятельности такого рода трудов для получения магистерской или докторской степени. Одновременно устанавливалась строго соблюдавшаяся процедура продвижения соискателя к защите. К моменту защиты диссертации соискатель должен был получить рекомендацию от факультета в виде положительного отзыва/рецензии и представить уже опубликованный текст диссертации. Во второй половине XIX в. эта практика стала повсеместной.

Уровень научного качества диссертаций и требования к его достижению формировались в большей мере в недрах научного сообщества на основе, в том числе, приобретаемого опыта оппонирования как формы экспертизы диссертаций. Этот процесс, воплощая в себе опыт и этические нормы науки, имел существенное научно-нравственное воздействие на мотивацию научной деятельности поколений диссертантов.

Отличительным моментом презентации созданного диссертационного сочинения была его публичная защита в форме научного диспута, сопровождавшегося выступлениями официальных и неофициальных оппонентов. Соискатель должен был представить факультету и публике свои тезисы, являвшиеся прообразом современного автореферата, и выступить с речью, в которой приводил аргументы научной состоятельности и оригинальности своего труда.

Процедура подготовки диссертации, ее научная экспертиза, публичная презентация, формирование общественного мнения и складывание репутации соискателя в научном сообществе – важнейшие стимулы, которые содействовали интенсивной и углубленной работе претендента на ученую степень, стремившегося создать качественный научный труд, над своим исследованием. П.Н. Милюков, вспоминая свои злоключения, связанные с попыткой защитить созданный труд сразу на докторскую степень, искренне признавался: «...я готовил вклад в науку» [5, с. 107].

Далеко не сразу диссертация приобрела черты исследования монографического типа. Общей традиции обозначения жанровой специфики диссертаций долго не складывалось, само собой разумеется, не существовало на этот счет каких-либо нормативных документов. Обозначение диссертации как «рассуждение» постепенно вытесняется. Например, Н.Н. Мурзакевич, защищавший «Историю генуэзских поселений» в Московском университете (1838), после ее названия ограничился лаконичным подзаголовком: «Составлена Николаем Мурзакевичем». В 1840-е гг. Т.Н. Грановский, а, вероятно, по его примеру и С.М. Соловьев сопроводили свои диссертации обозначением: «историческое исследование». К подобному уточнению прибегали некоторые другие диссертанты. Можно полагать, что за этими своеобразными маргиналиями стояли попытки идентифицировать диссертационную работу как разновидность научного труда, созданного самостоятельными исследовательскими усилиями автора. К концу XIX в. видна явная тенденция использовать дополнительное уточнение жанра диссертации понятием «очерк», «очерки». По нашим наблюдениям в одном, практически, случае диссертант в качестве подзаголовка к работе прибег к использованию новой формулы – «историческая монография». Речь идет о магистерской диссертации Д.И. Багалея, защищенной в Киевском университете в 1882 г.

Со второй половины XIX в. на обложках диссертаций перестали каким-либо образом сообщать о принадлежности книги к категории диссертационных исследований. И только присутствие сведений об университетской типографии или фразы о публикации книги по решению совета какого-либо университета может служить маркером ее принадлежности к статусу диссертации. Но по всей вероятности к концу XIX в. создатели диссертаций, как и их читатели, воспринимали их именно в качестве монографий. Авторы диссертаций сосредоточивали внимание на совокупности аспектов проблем социальной, экономической, политической или культурной истории в рамках довольно локального хронологического диапазона. Нормой диссертационного труда становится использование оригинальной источниковой информации, выявляемой, как правило, в архивных фондах. Знание историографической ситуации в изучаемой проблематике также становилось обязательным атрибутом исследования. Для работ по всеобщей истории требовалось не только владение иностранными языками, но и использование оригинальных источников изучаемой страны соответствующей эпохи. Отступление от подобных норм являлось нередко основой скандальных диссертационных историй, вызывавших негодование представителей университетской общественности. В среде историков известна критически воспринятая научным сообществом защита докторской диссертации Н.Д. Чечулиным (1896), не соответствовавшая сложившимся «высоким» требованиям к этой разновидности научных трудов [2, с. 237–244].

Исходя из наблюдений за процессом формирования традиций работы над диссертациями и опытом восприятия этой формы научной деятельности можно полагать, что диссертация наиболее концентрированно воплощала в своих ценностных ориентациях, методологических принципах, проблемно-тематическом выборе, концептуальном замысле некий образец (эталон) научного исследования, принятый профессиональной средой того или иного исторического времени. В некотором смысле данный вид научно-исследовательского продукта может служить своеобразным индикатором не только способностей и научного мастерства ее конкретного создателя, но и выработанных в определенную эпоху представлений корпоративного сообщества ученых о принципах и характере научности исторических исследований и соответствующих дисциплинарных ценностях той или иной сферы знания.

1. Алеврас, Н.Н. К созданию коллективного портрета историков соискателей ученых степеней в России XIX – начала вв.: разработка базы данных и предварительный анализ / Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина, А.М. Скворцов // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в. : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Казань : Казанский университет, 2016. – С. 32–40.
2. Алеврас, Н.Н. Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников: к вопросу о национальных особенностях / Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина, // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – М. : ИВИ РАН, 2011. – Вып. 36. – С. 221–247.
3. Галлиулина, Р.Х. Университет vs министерство народного просвещения: академическая экспертиза и цензура диссертаций в середине XIX века / Р.Х. Галлиулина, К.А. Ильина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2016. – № 4. – С. 15–24.
4. Ильина, К.А. Защита диссертации С.П. Шевырева, или Рождение «русского профессора» / К.А. Ильина // Российская история. – 2015. – № 1. – С. 74–89.
5. Милюков, П.Н. Воспоминания / П.Н. Милюков. – М. : Политиздат, 1991. – 528 с.

Вовк О.И. **ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ** **В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ**

Одной из важнейших исследовательских процедур при работе с историческими источниками является их систематизация, которая позволяет упорядочить имеющийся массив источников, разделить его на однородные группы и всесторонне их изучить. Конечно, приведенное утверждение справедливо и для историографических источников, т.е. группы видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания (как научного, так и социально ориентированного) [5, с. 508].

При работе с историческими и историографическими источниками наиболее часто используются такие формы систематизации знания, как классификация и типология. Во многих случаях эти дефиниции используются как синонимы, однако между ними есть принципиальные различия.

Так, классификация подразумевает членение области изучаемых объектов на классы либо группы, по которым эти объекты распределены на основании их сходства в определенных свойствах. Цель этой процедуры состоит в том, чтобы представить в надежном и удобном для обозрения и распознавания всю эту область, а также заключить в себе максимально полную информацию об объектах [2, с. 255]. Существует ряд принципов, которым должна соответствовать классификация. В частности, каждый из объектов исследуемого множества должен обязательно войти в один из классов (т.е. не должно быть объектов, не вошедших ни в один класс, так же как и объектов, вошедших одновременно в два или более класса). Деление должно проводиться по четко установленному критерию, который не может изменяться в течение отдельной классификационной операции. Классы должны быть взаимоисключающими и не содержать общих элементов.

Типология применяется с целью сравнительного изучения существенных признаков, связей, функций, отношений, уровней организации объектов (как сосуществующих, так и расходящихся во времени). В ее основе лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью типа, т.е. обобщенной, идеализированной модели. Таким образом, каждый из исследуемых элементов в большей или меньшей степени соответствует одному из эталонов [6, с. 69]. Отличие классификации от типологии состоит в том, что последняя предполагает наличие объектов, которые могут соответствовать одновременно нескольким критериям сравнения с разной степенью выразительности.

Безусловно, каждая классификационная и типологическая схема условна и вряд ли способна отразить всю многогранность исследуемого массива объектов. Однако использование этих